

Культура. — 1996. — 17 февр. — с. 9.

Мелкая расфасовка

Открываю газету "Труд" — интервью с Владимиром Машковым. Открываю "Комсомольскую правду" — интервью с Машковым. Включаю телевизор — Машков ведет "Кинопанораму", кстати, о самом себе. Смотрю юбилей Табакова — сюда пришли клоуны Машкова из его потрясающего спектакля "Смертельный номер". Прихожу на открытие фестиваля "Лики любви", где президентом тот же самый Машков, — и опять же его клоуны, как верные тени. Не знаю, быть может, тому, кто не видел спектакля, эти клоуны и придутся по душе, смешные, забавные, костюмы такие необыкновенные. Но вот видела спектакль и знаю, что идет самая настоящая мелкая расфасовка. Неужели Машков этого не понимает? Распродает собственное детище — оптом и в розницу.

ТАКОЕ ВОТ КИНО

Валентина ИВАНОВА

Интервью? Одно, не помню уже где, было откровенно сексуальное: журналистка, глядя прямо в глаза "кумиру", признавалась ему в любви, и вопросы все были больше такие — а кто у вас жена, а сколько у вас было женщин, а как вы вообще к этому делу относитесь, ах, да! Вы же секс-символ России! Я очень хорошо помню, где и когда появилось это — "секс-символ": на "Кинотавре" в Сочи, где одновременно показывались две картины с Машковым — "Лимита" и "Подмосковные вечера". Там возникло и тоже вот так, с придыханием: одна из актрис на пресс-конференции встала и, так же глядя в глаза, сказала: "Наконец-то у нас в кино появился мужчина".

И сразу всем присутствующим стало как-то неловко, словно они оказались свидетелями интимной сцены.

Интересно, а каково все это самому Машкову?

Неужели ему невдомек, что есть такое понятие "тайна"? Что актер — это всегда загадка, всегда своего рода "сезам, откройся!", и это наша сегодняшняя готовность рвать свою суть в клочья быстро надоедает. А главное, она убивает актера, его таинственную суть, его загадочный, никем еще не постигнутый секрет лицедейства.

Собственно, речь здесь, как вы понимаете, не о Машкове, а о нашем сегодняшнем мироощущении кино.

Кто-то из режиссеров сказал по телевидению, что вряд ли он будет еще раз снимать Машкова (надо же, набрался смелости!), не потому что он плохой актер, — нет, очень, очень хороший, но... но очень его много!

Когда-то подобная же история произошла с Людмилой Гурченко. Времена, конечно, были другие, и очень уж хотелось мелькать. И вот вдруг она сама не заметила, как абсолютно исчезла с экрана, стала неинтересна ни режиссерам, ни, главное, — зрителям. Людмиле Марковне при-

Рисунок Александра ШАХГЕЛДЯНА

шлось пойти на резкое убывание собственной красоты и танцевальной пленительности: она вдруг явилась в некрасивых, характерных ролях — вспомните "Рабочий поселок" или "Прохиндиад", где она серой тенью скользит по огромной квартире своего ловкого мужа Любомудрова (А.Калягин). Да и переломные в ее жизни "Пять вечеров" Никиты Михалкова — посмотрите на нее в этих железных бигудях образца пятидесятых!

Сегодня в кино уже не времена Гурченко — в том, естественно, смысле, что фильмов выпускается с едну каплю, что от режиссеров только и слышишь: не хватает денег завершить картину. А от актеров...

А от актеров, представьте себе, слышишь совсем немилосливое: "А разве я снимался в этой картине?" Помню, спросила у Збруева на том же "Кинотавре", стоит ли идти смотреть картину "Маэстро-вор", где он играет главную роль: "Да я ее не видел", — откровенно ответил он.

Актеры не смотрят собственные фильмы — а где им их видеть? На студии? Никто для них просмотра специально устраивать не будет — не те времена. А в кино? В кино теперь отечественные фильмы не

идут. Наступили тяжелые времена.

Нет, неправда, наступили прекрасные времена. То есть правда и то, и другое, но смотрю для кого? Одни получают по тысяче долларов в день, другие — по сорок тысяч деревянных в месяц. И все это мирно сосуществует, как в африканской саванне — видела своими глазами — мирно пасутся рядом добыча и хищник, антилопы со львами, а семья шакалов, расположившаяся на невысокой горной гряде, представляла собой просто умиротворенное зрелище.

Ситуация складывается таким образом, что хорошие актеры вынуждены сниматься в очень средних, а иной раз просто плохих фильмах, — а что делать, если фильмов почти что нет? Была, например, такая картина года два назад — "Завтрак с видом на Эльбрус". Боже мой, сколько было шума! Юрий Визбор, кажется, единственная игровая картина по его произведению! Снимаются Филозов, Костолевский! А смотреть невозможно: пустенькая, дешевая мелодрама, как герой-альпинист на равнине бросил одну жену, а в горах нашел другую. Тот же Костолевский и, кстати, неплохая актриса Елена Финогеева играют в ленте с загадочно-ма-

тематическим названием "Квадрат". Ну и что же? Больше всего жалко Костолевского, за которого отчаянно борются две прекрасные дамы, а он всю картину валяется не то пьяный, не то одурманенный наркотиком. Все действие происходит в модном, дорогом ресторане, и дамы дорогие, но вот зачем им понадобился такой общий, на двоих, герой? Впрочем, к финалу появляется и третий, тапер, но от этого не легче.

А говорят, Костолевский играл где-то в Норвегии, в театре, учил язык. Он очень любопытно сыграл в странной, но интересной картине Андрея Харитонова "Жажда страсти" по Брюсову.

И вот теперь опять такая мелкая расфасовка.

Играть, мелькать, разве можно отказываться от роли! Об Александре Феклистова сегодня говорят как о театральном явлении, он много снимался и в кино. Но вот недавно я видела какой-то новый фильм по ТВ и только в титрах заметила его фамилию — мелькает вроде что-то знакомое, но не более того.

Осуждать ли нам актеров? Нет, конечно, нет. Они люди подневольные всегда были, а сегодня особенно. Но ведь звучали уже голоса, тревожные голоса, несколько лет назад, когда была еще эйфория от 400 названий в год, — остановитесь, оглянитесь, подумайте о своем будущем. Не вняли. Тогда казалось всем, что критики просто злобствуют.

А тут утром включила телевизор и увидела очень модного и красивого Андрея Соколова, который с восторгом рассказывал, как он побывал на очередном кинофестивале, где его и его картину принимали очень хорошо. Приз хотя и дали, но, на его взгляд, недостаточно высокий.

Случайно я видела эту картину на "Кинотавре" — она называется "Любовь — предвестие печали". Честно говоря, поразила ее убожество. Это фильм способного петербургского режиссера Виктора Сергеева, но, думается, самая слабая из его картин.

Представляю себе, какие гонорары получает этот модный и очень красивый актер и за роли, и за участие в фестивалях. А ведь после "Маленькой Веры" он, к сожалению, не сыграл ничего равного, хотя снимался и снимается очень много и часто.

Мелькает.

Действительно, актерам надо на что-то жить. И жить хорошо — никто не спорит.

Но не надо пускать талант в мелкую расфасовку.